

ЛОКАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ НА ПРАКТИКЕ: СЛУЧАЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МАХАЛЛИНСКИХ КОМИТЕТОВ И ИНОСТРАННЫХ НПО В ВАХШСКОЙ ДОЛИНЕ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Анна Цеслевская

Институт ориентальных исследований Ягеллонского университета

3 ул. Адама Мицкевича, 31–120, Краков, Польша

acieslewska@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается проблема сотрудничества между махаллинскими комитетами и иностранными неправительственными организациями (НПО). Основная цель статьи — показать, каким образом общины реагируют на идею социального развития, преподносимую иностранной НПО, на примере проекта Польского центра международной помощи (ПЦМП) и таджикской НПО «Мехрангез» под названием «Поддержка местных общин через развитие махаллинских комитетов в Таджикистане». Автор описывает взаимодействия между местными органами власти и общинами — участниками проекта. Статья написана по материалам полевых исследований автора 2010–2014 гг., также использована информация, собранная в рамках проекта, реализованного в 2013–2015 гг. в Хатлонской области Таджикистана.

Ключевые слова: самоуправление, местное развитие, традиционные и неформальные институты, местная администрация, международные организации.

Для цитирования: Цеслевская А. Локальное развитие на практике: случай взаимодействия махаллинских комитетов и иностранных НПО в Вахшской долине в Таджикистане // Антропологический форум. 2017. № 35. С. 169–188.

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/035/cieslewska.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2017, NO. 35

LOCAL DEVELOPMENT IN PRACTICE: CASE STUDY — MAHALLA COMMITTEES IN THEIR INTERACTION WITH A FOREIGN NGO IN THE VAKHSH VALLEY IN TAJIKISTAN

Anna Cieślewska

Institute of Oriental Studies of the Jagiellonian University

3 Adama Mickiewicza Str., 31–120, Krakow, Poland

acieslewska@gmail.com

Abstract: The paper explains the issue of cooperation between the Mahalla committees and a foreign NGO. It describes the development project entitled “Reinforcing local community development through institutional support for mahalla committees in Tajikistan” targeting the development of mahalla committees as implemented by the Polish Centre for International Aid in partnership with the Tajik NGO Mehrangez. The project proposal was based on my research and conclusions reached during my work for the NGO sector, as well as on the experience gained by Mehrangez during. The main goal of this paper is to examine how the communities respond to ideas of social development introduced by a foreign NGO. Another issue considered here is the interaction between the local authorities and the communities involved in the project. Lastly, I present mechanisms of functioning informal and formal structures, their various interactions and influences outside and inside of the communities. The paper is based on a field study regarding mahalla (2010–2014) as well and information gathered during the three-year-long project implemented between 2013 and 2015 in the Khatlon province of Tajikistan.

Keywords: self-government, local development, traditional and informal institutions, local administration, international organisations.

To cite: Cieślewska A., ‘Lokalnoe razvitie na praktike: sluchay vzaimodeystviya makhallinskikh komitetov i inostrannykh NPO v Vakhshskoy doline v Tadjikistane’ [Local Development in Practice: Case Study — Mahalla Committees in Their Interaction with a Foreign NGO in the Vakhsh Valley in Tajikistan], *Antropologicheskij forum*, 2017, no. 35, pp. 169–188.

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/035/cieslewska.pdf>

Анна Цеслевская

Локальное развитие на практике: случай взаимодействия махаллинских комитетов и иностранных НПО в Вахшской долине в Таджикистане

В статье рассматривается проблема сотрудничества между махаллинскими комитетами и иностранными неправительственными организациями (НПО). Основная цель статьи — показать, каким образом общины реагируют на идею социального развития, преподносимую иностранной НПО, на примере проекта Польского центра международной помощи (ПЦМП) и таджикстанской НПО «Мехрангез» под названием «Поддержка местных общин через развитие махаллинских комитетов в Таджикистане». Автор описывает взаимодействия между местными органами власти и общинами — участниками проекта. Статья написана по материалам полевых исследований автора 2010–2014 гг., также использована информация, собранная в рамках проекта, реализованного в 2013–2015 гг. в Хатлонской области Таджикистана.

Ключевые слова: самоуправление, местное развитие, традиционные и неформальные институты, местная администрация, международные организации.

Введение

В центре внимания статьи динамика взаимодействия между *махалля* (деревенской общиной) в Таджикистане и внешним актором, в данном случае — иностранной неправительственной организацией (НПО). Я исследую, как общины реагируют на идеи социального развития, предлагаемые сторонней НПО, на примере проекта «Поддержка местных общин через развитие махаллинских комитетов в Таджикистане»¹, реализуемого Польским центром международной помощи (ПЦМП)² и таджикстан-

Анна Цеслевская (Anna Cieřlewska)

Институт ориентальных
исследований Ягеллонского
университета,
Краков, Польша
acieslewska@gmail.com

¹ Проект выполнен на средства польского фонда «Солидарность» в рамках программы «Поддержка демократии» Министерства иностранных дел Польши.

² Польский центр международной помощи (Polskie Centrum Pomocy Międzynarodowej, PCPM) — одна из самых больших благотворительных организаций в Польше, которая специализируется на гуманитарной помощи и помощи в развитии другим странам <<http://www.pcpm.org.pl>>. ПЦМП работает прежде всего с такими странами, как Южный Судан, Эфиопия, Палестина, Таджикистан, Ливан, Грузия и Украина. Центр был основан в 2006 г. и с тех пор реализовал более 40 проектов в области предупреждения стихийных бедствий, здравоохранения и образования, обеспечения средств к существованию и помощи беженцам. Кроме того, организация многое делает для просвещения поляков по вопросам, связанным с международными проблемами и сотрудничеством в области развития. С этой целью издается научный журнал «Помощь в развитии» (“Development Aid”) и поддерживается новостной веб-сайт <www.infoswiat.com>. В Таджикистане ПЦМП работал в 2008–2015 гг. с различными проектами в области предупреждения катастроф, развития сообществ и поддержки женского малого бизнеса.

ской НПО «Мехрангез»¹. Также рассматривается проблема отношений между местными властями и общинами, принимающими участие в проекте. Статья основана на материалах моего исследования *махалли*, проведенного в 2010–2015 гг., и данных, собранных в рамках проекта ПЦМП и «Мехрангез» в течение трех лет, с 2013 по 2015 г., в Джиликульском, Кумсангирском и Бохтарском районах Хатлонской области Таджикистана. В 2015 г. собранный мною этнографический материал был частично опубликован в книге «Община, государство и помощь в развитии: трансформация *махалли* в Таджикистане» [Cieślewska 2015]. В этой статье использованы также материалы, которые я собрала в октябре 2015 г., когда занималась оценкой упомянутого проекта².

Речь пойдет об отношениях между формальными и неформальными институтами внутри *махалли* в исследуемом регионе. Взаимодействие между ними рассматривается в контексте отношений внутри общины, а также внешних контактов с государственными органами и НПО. Реальные практики локальных взаимоотношений на местном уровне в Таджикистане я описываю с точки зрения двух перспектив: самих общин и той НПО, которая реализует проект. При этом я кратко обрисовываю отношения между организациями, общинами и органами местной власти, останавливаясь на возникающих противоречиях: риторика местной власти и значимая роль, которую играют локальные неформальные отношения в получении причитающихся общинам услуг, а также подвижность этих локальных отношений в ходе взаимодействия с внешними акторами, такими как НПО.

С точки зрения социальной организации *махалля* традиционно описывается как маленькое самоуправляющееся сообщество,

¹ «Мехрангез» — таджикистанская НПО, которая занимается борьбой против бедности, пропагандой устойчивого развития, поддержкой общественной и профессиональной вовлеченности (прежде всего для женщин), сотрудничает с местными властями в реализации программ улучшения образования, здравоохранения и сельскохозяйственного производства в Хатлонской области Таджикистана. Эта организация была зарегистрирована в 1997 г., но начала функционировать еще во время гражданской войны. Изначально деятельность «Мехрангез» была связана с помощью беженцам, которые возвращались из Афганистана. С 1998 по 2012 г. организация осуществила более 20 проектов социального развития. «Мехрангез» входит в Таджикистанскую ассоциацию микрофинансирования, Ассоциацию образования взрослых Таджикистана, Программу партнерства в области развития и Программу снижения уровня бедности. Главные источники финансирования ее проектов — гранты от международных организаций, таких как “Christian Aid” (Великобритания), ICCO (Interchurch Organization for Development Cooperation, Нидерланды), “Helvetas” (Швейцария), упомянутый Польский центр международной помощи, а также Комитет по делам женщин и семьи Таджикистана (таджикистанская правительственная организация).

² В основу заявки на финансирование проекта легло мое исследование и опыт работы НПО «Мехрангез» с сельскими общинами Таджикистана. В 2013 г. я была координатором проекта с польской стороны. В марте 2014 г. была запущена вторая редакция проекта, в котором я работала консультантом до конца 2015 г.

где действуют правила, основанные на практиках и обычаях, корни которых уходят в традиции центральноазиатского ислама. Раньше словом «махалля» обозначалась небольшая община людей, живущих в одной местности и связанных территориальными, профессиональными, семейными и/или этническими узами. Сплачивающую функцию для членов *махалли* выполняло участие в общих ритуалах, таких как свадьбы, обрезания, похороны, мусульманские праздники и другие обряды жизненного цикла. Так формировались особые узы солидарности, за которыми стояло не только совместное проживание в одном месте, но и общая история, реальные или легендарные предки, святые места в этой конкретной местности, а также участие в коллективных ритуалах [Сухарева 1976; Поляков 1980; Geiss 2001; Арифханова 2009; Абашин 2011; 2015; Шаниязов 2011; Urinboyev 2011; Dadabaev 2013; Cieřlewska 2015]. Для описания этого феномена существуют разные термины: *гузар*, *ку* и др. [Сухарева 1965: 101; Абрамов 1989: 4; Abramson 1998; Sievers 2002; Jasiewicz 2004: 192].

Системная трансформация, которую принесла советская власть, полностью изменила эту систему отношений: в результате запрета ремесленных гильдий и насаждения колхозов поменялись способы производства, были серьезно затронуты традиционные структуры общин. Несмотря на эти перемены, *махалля* как социальный институт все же сыграла важную роль в сохранении традиционных практик и мусульманской традиции. После распада СССР и во время гражданской войны в Таджикистане (1992–1997) государственные институты во многих местах не функционировали, и *махалля* обеспечивала хоть какое-то подобие общественного порядка на местном уровне. И все же многие общины были уничтожены или распались. Во время послевоенного восстановления в корне изменилась вся система колхозов. Неправедливая земельная реформа и дальнейшее разрушение инфраструктуры и сферы ЖКХ повлияли и на *махаллю*. Другой фактор, отразившийся на традиционной структуре и институтах *махалли*, связан с безработицей и массовой миграцией в другие страны, которая коснулась прежде всего мужской части населения. В результате изменились отношения в социальных группах, основанные на гендере, возрасте и уровне дохода [Cieřlewska 2015: 2].

Сегодня *махалля* в Таджикистане выполняет административную функцию, а ее значение в качестве формы социальной организации изменилось в связи с законодательными нововведениями. Правительство Таджикистана пытается интегрировать *махаллю* в систему государственного управления. С этой целью в 2008 г. был принят «Закон об органах общественной само-

деятельности» (Закон о *махалле*)¹, который практически превратил *махаллю* в самую мелкую административную единицу государственного управления Таджикистана. Закон предписывает, чтобы каждый «орган общественной самодеятельности» (*махалля*) регистрировался на территории того *джамоата*², где он расположен. Это значит, что каждая деревня должна организовать свой махаллинский комитет (МК), который играл бы роль органа исполнительной власти, а его глава (*раиси махалля*) должен избираться соответствующей общиной. По социальным вопросам МК может сотрудничать с правительством, местными НПО и международными организациями, работающими в Таджикистане. Хотя формально МК гарантированы довольно широкие полномочия, на практике большинство их членов плохо знают свои права и их возможности действовать ограничены. В ходе нашего проекта выяснилось, что *махалли* и местные администрации недостаточно знакомы даже с Законом о *махалле*. Кроме того, *махалли* редко сотрудничают с международными организациями; общины часто не понимают принципы помощи в развитии и путают ее с гуманитарной помощью, которая широко предоставлялась во время гражданской войны [Boboyorov 2013; Cieřlewska 2015].

Поскольку государство принимает ограниченное участие в развитии регионов, общины вынуждены действовать самостоятельно. На практике, однако, результат зависит от того, насколько конкретной общине удалось самоорганизоваться, а также от ее финансовых возможностей. Уделяя недостаточно внимания локальному развитию, правительство тем не менее пытается расширить свой контроль над МК, религиозными лидерами и разными типами локальных институтов (такими как *мазары*³, мечети и пр.). Лидеры махаллинских комитетов часто назначаются по рекомендации *джамоата*, а не как раньше, когда *раиси махалля* всегда избирался членами общины. Мое исследование, однако, показывает, что если глава назначается *джамоатом*, то в этой общине, скорее всего, слабые социальные связи и низкий уровень интеграции [Cieřlewska 2015].

¹ Закон Республики Таджикистан № 347 об органах общественной самодеятельности от 5 января 2008 г.

² *Джамоат* — единица управления на уровне общины (муниципалитет) в деревнях и городах Таджикистана. В городах это *джамоати шахрак*, в сельских местностях — *джамоати дехот*. *Джамоаты* подчиняются *нохия(хо)* — городским и районным администрациям, которые в свою очередь подчинены *вилоят(хо)* — администрациям области. Районы города Душанбе и еще 13 районов страны имеют прямое республиканское подчинение.

³ *Мазар / мазор / зияратгах* (существуют и другие названия) — святилище или могила святого. Такие святилища могут выглядеть по-разному. Одни имеют большое значение, и каждый год к ним могут стекаться тысячи паломников, другие, поменьше, служат святынями для жителей одной *махалли* или одного района.

Описание проекта

У деревенских властей есть возможность предпринимать независимые инициативы, но в то же время они нуждаются в институциональной и финансовой поддержке, кроме того, им необходимо учиться организовывать и осуществлять проекты. Ситуация в Вахшской долине особенно сложна из-за структурных изменений, произошедших в результате трансформации политической и социальной системы в стране и разрушительных военных действий в этом регионе во время гражданской войны. До распада СССР сельскохозяйственные предприятия в долине (колхозы и совхозы) занимались главным образом выращиванием хлопка, доля других культур была очень незначительной. Все ремонтные и строительные работы проводило руководство предприятий и сельсовет. *Махалля* в качестве формы социальной организации таджикских общин сохранилась лишь частично, прежде всего на уровне практик, связанных с жизненным циклом. Племенные общины тоже сохранили свои традиционные институты, которые нередко сливались со структурами совхозов и колхозов. Во время послевоенной реконструкции и земельной реформы большинство сельскохозяйственных предприятий были поделены, а деревни стали самостоятельными административными единицами. Позже в каждой деревне был организован МК. Как уже упоминалось, махаллинские комитеты должны вести дела общины, участвовать во всех мероприятиях и представлять общину на уровне местной администрации — *джамоата* [Roy 1999; Boboyorov 2013; Cieślowska 2015].

При написании заявки на проект мы детально обсуждали, какого рода деятельность могла бы помочь общине лучше освоить навыки самоорганизации и создать базу для сотрудничества с НПО и местной администрацией. Проекты, организуемые на благо общины, прежде всего должны помочь людям задействовать местные ресурсы и так модифицировать существующие локальные практики, чтобы они способствовали развитию. Такие проекты не могут навязывать никакой конкретной идеологии или стратегии. Распространенная ошибка в рамках обычных стратегий развития заключается в том, что они привлекают инновационные модели, не приспособленные к местным условиям. Будучи соавтором проекта, я ориентировалась на эндогенный подход к развитию, главная цель которого — раскрыть потенциал сообществ, чтобы они могли использовать собственные механизмы самоуправления и самоорганизации. Важная роль отводится традиционной власти и самому сообществу, которое, как ожидается, будет само устраивать свои дела и в конце концов примет решение о том, необходима ли ему сторонняя поддержка НПО, и если да, то какой именно

вид поддержки требуется [Haverkort et al. 2003: 29–36]. Но в начале работы по проекту мы не знали, какой будет реакция общин на модель сотрудничества, предлагаемую ПЦМП и НПО «Мехрангез».

В целом запустить процессы участия непросто, поскольку очень часто различные интересы и ценности внутри сообщества могут помешать найти решение, которое бы всех устраивало, соучастие может даже усугубить неравенство [Hauschildt, Lybæk 2006: 9]. В случае с постсоветской Вахшской долиной, которая с 1930-х гг. была аренной, где шло развитие по модели советской модернизации, трудно провести границу между «традиционными (местными) институтами» и гибридами традиционализма и модернизации. Например, Закон о *махалле* был принят правительством Таджикистана, чтобы включить общины и деревни в административную иерархию. *Махалля* — часть традиционной социальной организации оседлого населения Центральной Азии. Несмотря на это, сейчас в Таджикистане многие деревни, где живут представители племенных культур, обязаны создавать МК в качестве органа исполнительной власти своей общины. Это значит, что во многих частях страны *махалля* воспринимается не как раньше, когда в ней видели традиционную социальную организацию, а скорее как полуофициальная государственная организация, которая отчасти состоит из элементов традиционных структур (см. об этом ниже). Таким образом, начиная проект, мы столкнулись с дополнительной проблемой: в некоторых общинах нужно было понять, в чьих руках в действительности находится власть. В результате нам пришлось принимать решения по ряду вопросов, например, с кем именно мы должны взаимодействовать в рамках нашего проекта (т.е. нужно было выявить главных действующих лиц в каждой конкретной общине). Наконец, требовалось подобрать наиболее подходящие формы сотрудничества с «модернизированной» *махаллей*.

Пилотная стадия проекта началась в 2013 г. в десяти деревнях. В 2014 г. мы пригласили к участию еще пять общин. В 2015 г. с нами сотрудничали тринадцать деревень. Еще две деревни пришлось исключить из-за проблем взаимодействия с их главами. В рамках проекта эти пятнадцать махаллинских комитетов участвовали в семинарах о правах и обязанностях *махалли*, описанных в законе о ней. Кроме того, МК приняли участие в семинарах по мобилизации сообщества, планированию проектов, коммуникации и фандрайзингу, прослушали курс по бухгалтерскому учету в *махалле*. Все *махалли* подготовили заявки на проекты и получили микрофинансирование, которое покрывало до 40 % бюджета заявленных проектов. В результате этих проектов было осуществлено некоторое число инициатив:

построены пять медпунктов; оборудован один большой медпункт и отремонтирован другой; приобретено стоматологическое оборудование для одного зубоврачебного кабинета; выровнены семь сельских дорог; заменены три небольших насоса и один водяной насос на большой насосной станции; установлен один трансформатор; подключена к электросети одна улица; построена крыша на местной школе; для одной деревни куплена машина для развоза воды, в другой починены два моста; оборудовано одно школьное здание и организована одна швейная мастерская. Большая часть работ проводилась путем предоставления рабочей силы жителями кишлаков (*хашар* — взаимопомощь), но *махалли* также участвовали в финансировании. Кроме того, проект предполагал организацию занятий для женщин по вопросам гигиены и здоровья молодой матери и ребенка.

Краткая характеристика региона, где выполнялся проект

Регион, избранный для осуществления проекта, отличается огромным культурным разнообразием. Все деревни, которым предложили принять участие, основаны в советское время. Большинство жителей были переселены в Вахшскую долину во время интенсивной реструктуризации региона в связи с переориентацией здешней экономики на выращивание хлопка¹. Жители деревень, где начал работу ПЦМП, приехали в Вахшскую долину из Гозималика, Раштской долины, Дангары, Куляба, Нурека и Файзабада, а также из Ферганской долины. Среди коренных жителей региона, которые принимают участие в нашем проекте, представители узбекских племен, главным образом кунграты, несколько локайских и дурменских семей, туркмены. До революции все эти группы вели кочевой или полукочевой образ жизни. В настоящее время большинство из них живут в поселках бок о бок с таджиками. В проекте участвуют две деревни, населенные кунгратами, в еще одной кунграты составляют большинство. Этническое разнообразие определяет методы работы с сообществами. Каждая группа в составе сообщества уникальна: многие говорят на диалектах (или, как в случае с племенными группами, на другом языке) и сохраняют свои традиции, культурную идентичность и историческую память. Во время гражданской войны 1992–1997 гг. разные группы оказались приписаны к одной из двух враж-

¹ В 1930-е и 1940-е гг. в Вахшской долине шло сооружение оросительной системы, которая должна была сделать здешние земли пригодными для выращивания хлопка (Вахшстрой). С 1931 по 1938 г. строилась гигантская ирригационная система, охватившая в итоге площадь в 130 тыс. га. Тысячи людей были переселены в Вахшскую долину для работы в новых колхозах. Почти 90 % населения «нового Вахша» прибыло из разных частей Советского Союза. Переселение началось в 1930-е и продолжалось до конца 1960-х гг. [Gomart 2003: 87; Сарсембеков и др. 2004].

дующих сторон. Например, таджики из Гарма (которых в обыденной речи здесь называют *гарми*) считались сторонниками оппозиции. Это значит, что сейчас деревни, где живут *гарми*, находятся под строгим контролем государственных структур Таджикистана, и их отношения с властями — болезненная тема. Вахшская долина была территорией интенсивных военных действий. Война привела к разрушению инфраструктуры и экономической системы, а также к ухудшению состояния окружающей среды и упадку социальной сферы (образование и здравоохранение), которая до сих пор еще полностью не восстановлена. Результатом стали ослабление здесь государственных структур и низкий уровень развития человеческого и социального капитала в целом.

Недавний политический и социальный кризис в Таджикистане отражается на отношениях на местном уровне. Запрет деятельности Партии исламского возрождения Таджикистана в конце августа 2015 г. и преследование ее членов свидетельствуют о растущем давлении государства на общество [Панниер и др. 2015]. Свои действия против политической оппозиции правительство Таджикистана обосновывает угрозой исламского экстремизма и афганского Талибана. Нестабильная ситуация на границе с Афганистаном, несомненно, представляет угрозу безопасности Таджикистана (Джиликульский и Кумсангирский районы, где осуществляется проект, граничат с Афганистаном). По словам наших информантов, в месяц Рамадан (июнь-июль) 2015 г. власти закрыли дорогу из Шаартузского района (соседнего с Джиликульским) под надуманным предлогом угрозы нападения талибов. Эта информация не получила официального подтверждения и не освещалась в СМИ. Так или иначе, правительство Таджикистана, очевидно, использует исламский / афганский фактор как предлог для усиления контроля над обществом. В то же время незаконные действия государственных чиновников по большей части остаются безнаказанными.

На местном уровне власти районные администрации (*хукуматы*) функционируют как феодальные поместья внутри страны, где главы *хукуматов* играют роль князей-феодалов, опираясь на свои связи с центральным правительством, основанные на патрон-клиентских семейных сетях. Вследствие этого отношения *хукуматов* с *джамоатами* (местными администрациями) и махаллинскими комитетами регулируются разнообразными неформальными связями и контактами. Высочайший уровень коррупции в правительстве препятствует прозрачности процедур. В результате большинство документов и сертификатов выдаются на основе неформальных платежей (взяток). И это значит, что общине или индивиду крайне трудно получить

необходимые документы, следуя просто формальной процедуре. Люди вынуждены искать альтернативные способы. Например, в ходе рассматриваемого проекта были случаи, когда земля для строительства медицинского учреждения была предоставлена членом общины или мечетью, тогда как местная администрация отказывалась давать землю, игнорируя многочисленные запросы.

Кроме того, негативное влияние на экономическую ситуацию в Центральной Азии оказал кризис в России, вызванный санкциями, которые наложили страны Запада. Снижение инвестиций, упадок сферы услуг, а также падение рубля по отношению к американскому доллару негативно повлияли на положение таджикистанских мигрантов в России. Изменения в российской законодательной системе в сфере миграции тоже обусловили снижение числа мигрантов из Таджикистана. Это сказалось на доходе многих семей, которые зависели от денежных переводов от родственников в России [Всемирный Банк 2015].

С кем мы на самом деле работаем?

Махаллинские комитеты действовали и в советское время, обычно в больших городах и некоторых крупных поселках. Как уже упоминалось, в сельской местности все управленческие задачи выполняло руководство колхоза, а *махалля* функционировала неформально, как традиционная общественная организация, в сфере традиционных практик. Некоторые информанты рассказывали нам, что термин «махалля» вообще не использовался, другие говорили, что он использовался, но редко для обозначения внутренних отношений в общине (см. также: [Абашин 2011]).

Колхозы делились на более мелкие участки. Каждым участком заведовал старшина, который иногда также играл роль неформального традиционного лидера. В таджикских общинах, которые участвовали в нашем проекте, было несколько разновидностей неформальных лидеров: *аксакалы* (в интервью их называли также *раиси махалля* или *колони махалля* — оба эти термина используются для обозначения лидера общины), *муллы* (религиозные лидеры) и другие уважаемые члены общины, т.е. старейшины (которых называют разными тюркскими / персидскими словами: *аксакалы* / *аксаколы*, *муйсафедоны* и т.д.). По сей день эти неформальные лидеры играют важную роль в общинах и участвуют в принятии решений и посредничестве между сторонами.

В деревнях, где мы работали, махаллинские комитеты были организованы в разное время, но все — после распада СССР.

Формирование МК поощрялось *джамоатами* и контролировалось *хукуматами* района, поскольку должно было обеспечить выполнение различных задач, например распределение гуманитарной помощи или участие общины в мероприятиях международных НПО и местной администрации. Согласно Закону о *махалле*, МК должен включать от 5 до 15 человек. В большинстве случаев это зажиточные крестьяне, религиозные лидеры, представители прежней колхозной элиты, а также учителя, врачи и др. [Cieślowska 2015: 80–81]. До начала нашего проекта в 15 деревнях-участниках махаллинские комитеты существовали лишь номинально.

Как уже говорилось, члены МК не были знакомы с Законом о *махалле*, а значит, не знали своих прав, сфер ответственности и обязанностей. Процесс принятия решений, как и прежде, оставался в руках общинной элиты, представители которой обладают влиянием в силу материального положения, социальных связей, особых навыков или харизмы. Лидеры общины играют ключевые роли в политической, социальной, религиозной сферах на местном уровне, а также в сфере социального обеспечения [Vobuyorov 2013]. Часто эти же люди входят и в махаллинские комитеты. Но есть и влиятельные люди, никак с ними не связанные. Как сказал в интервью один из членов МК, «влиятельные люди из нашей *махалли* обычно встречаются в мечети после *шом намаза*¹, чтобы поговорить о накопившихся важных делах. Два или три раза в год мы проводим *маджлис* [собрание], куда приглашаются представители от каждого хозяйства». В большинстве случаев на *маджлисе* присутствуют и сотрудники местной администрации. В течение нашего проекта мы организовали несколько *маджлисов*, чтобы убедиться, что о проекте, его задачах и наших намерениях знает вся община, а не только узкая группа элиты.

Пример *махалли* в деревне М. демонстрирует механизмы распределения власти внутри этих структур. Мы работаем с махаллинским комитетом этой деревни, которая населена главным образом *гарми* с небольшими вкраплениями других локальных / этнических групп, с 2013 г. В том году *махаллю* возглавлял *раис*, который также выполнял функции местного неформального религиозного лидера. Благодаря его авторитету и управленческим талантам община была очень хорошо организована. В начале 2014 г. двое сыновей *раиса* попали в тюрьму по обвинениям в грабеже и убийстве. Ходили слухи, что это были ложные обвинения, провокация каких-то правительственных сил, которые таким образом пытались подорвать авторитет влия-

¹ Молитва после заката (араб. *mahrib*).

тельных лидеров *гарми*. Нельзя сказать с уверенностью, правда ли это. В итоге *раис* покинул пост по семейным обстоятельствам. Ему на смену пришел директор местной школы, который, однако, не справился с обязанностями *раиси махаллы*. В результате некоторые мероприятия, выполнявшиеся в рамках нашего проекта, были заброшены или отложены. Мы пожаловались прежнему *раису*, и он пообещал найти решение, поскольку все еще пользовался значительным авторитетом в деревне. Наконец в начале 2015 г. был избран другой человек, местный активист и *мироб*¹. Ситуация в деревне немного улучшилась, но на смену почти всем членам МК пришли ставленники нового *раиса*. Только двое из прежнего состава сохранили свои посты. Новые люди не участвовали в семинарах нашего проекта, которые проводились в предшествующие годы. Таким образом, из-за смены власти в деревне выполнение основной задачи проекта, а именно оказание помощи членам МК в развитии организаторских навыков, оказалось сильно затруднено.

Смена главы общины не всегда влечет за собой обновление всего состава махаллинского комитета. Но поскольку члены МК представляют различные родственные группы (*авлоды*), включенные в местные сети, оказывается, что властные отношения в общине регулируются разными иерархиями. В крайних случаях это может привести к конфликту интересов [Boboyorov 2013]. Хорошо интегрированные общины характеризуются сбалансированными отношениями между разными сторонами. Когда мы только начинали проект, одной из самых трудных задач для нас было собрать информацию о местных структурах и отношениях, как формальных, так и неформальных. Постепенно мы понимали ситуацию все лучше. В частности, во время реализации микропроектов, которые требовали участия всей общины и ее лидеров, на поверхность выходили многие скрытые прежде напряженные отношения внутри *махалли*. Познание тонкостей устройства местных сетей — это непрерывный процесс обучения и исследования, который включает формальные и неформальные встречи с различными социальными акторами, сотрудничество с местными лидерами и т.д. Как показывает пример деревень, где живут кунграты, работа с членами МК не всегда означает сотрудничество с действительными лидерами общины.

Кунграты жили в Вахшской долине еще до Октябрьской революции. В независимом Таджикистане, однако, они представляют собой гомогенные сообщества, относительно изолиро-

¹ Человек, ответственный за распределение воды.

ванные от внешнего мира [Кармышева 1976; Абдуназаров и др. 2014: 158–166]. Кунграты говорят на диалекте узбекского языка, и многие из них не понимают по-таджикски. У них собственные общественные структуры, основанные на племенной системе, которая сохранилась до наших дней: племя подразделяется на две подгруппы, а те в свою очередь — на родственные группы (*каумы*), чья власть действует в пределах айла (кочевого поселения). Точнее, *каум* живет на территории айла во главе с аксакалом. Деревня делится на несколько айлов. В тех двух деревнях, где мы работаем, кишлаках Д. и А., кунграты принадлежат к подгруппе *оинли* (*оинна*), которая делится еще на двенадцать родственных групп. Самая большая и влиятельная из них — *бешболо* [Cieślewska 2015: 118, 198–201].

Раиси махалля деревни Д. — это еще и глава родственной группы *бешболо* в этом регионе. Это значит, что его власть распространяется и за пределы деревни Д. В обоих кишлаках махаллинские комитеты были организованы в начале 2000-х гг. распоряжением местной администрации. По словам *раиса* деревни Д., структуры МК появились после распада колхозов, когда деревни стали независимыми единицами. Сначала люди не понимали, что такое махаллинский комитет, потому что у племенного населения Центральной Азии никогда не было такой формы социальной организации, как *махалля*. В течение первых четырех-пяти лет жители этих деревень вообще не признавали МК. Решения по различным деревенским делам традиционно принимали старейшины (*аксакалы*) всех *каумов*. *Каумы* подчиняются определенной иерархии, и те, которые занимают более высокие позиции в племенной структуре, имеют большее влияние. В результате создания МК возникла двойная система управления с доминированием неформальных племенных институтов. Махаллинский комитет считается государственной структурой, но на самом деле это гибрид формальных и неформальных сетей.

Наш проект включал программу для женщин по гигиене и здоровью молодой матери и ребенка. Предполагалось, что некоторые пользующиеся влиянием женщины пройдут серию тренингов и потом передадут полученные знания другим женщинам своих общин. Деревня А. в нашем проекте — самая бедная и с наихудшими исходными условиями, она расположена на окраине Джиликкульского района. Когда перестала действовать система орошения, деревня осталась без воды, которую раньше получала из р. Вахш или ближайших каналов. Удаленное расположение деревни — еще одна причина очень низкого уровня ее социального и экономического развития, плохого функционирования системы образования, изоляции некоторых групп (например, женщин) от внешнего мира. Многим

женщинам не разрешается выходить из дома, они находятся под строгим контролем своих семей.

В начале 2014 г., когда проект продолжался уже год, мы запустили свою программу для женщин. В деревне А. оказалось очень трудно найти влиятельных женщин, несмотря на то что за прошедший год мы узнали, что там живут несколько учительниц, которые уже принимали участие в семинарах. Мы упомянули об этой проблеме в разговоре с *раисом* деревни Д. Он спросил, почему мы не обратились к нему раньше, велел подождать и, достав телефон, начал говорить с кем-то по-узбекски. Закончив беседу, он сказал нам: «Все в порядке. Они найдут вам подходящих людей для семинаров». Мы спросили, как ему удалось так быстро найти решение. *Раис* ответил, что люди подчиняются его приказам, потому что он глава группы *бешболо* и ему не могут отказать в услуге. В итоге нам удалось поработать с женщинами в обеих кунградских деревнях.

Приведенный выше пример показывает, как неформальные структуры влияют на отношения на локальном уровне. Несмотря на то что в деревне А. мы пытались действовать через формальную структуру МК, реализовать задачи проекта мы смогли только через неформальный институт — главу *бешболо*. Тот факт, что *раис* махаллинского комитета в кишлаке Д. был также главой группы *бешболо*, демонстрирует неоднозначный характер *махалли* как структуры, навязанной государственной администрацией.

Как выстраиваются локальные связи: случай двух медпунктов

Две деревни — участники нашего проекта, кишлак Ф. и кишлак Х., решили на средства микрогрантов, полученных в 2013 г., построить пункты первой медицинской помощи. Для этого им нужно было подать заявки на соответствующие проекты в ПЦМП и НПО «Мехрангез». Пока *махалли* работали над заявками, представители ПЦМП и НПО «Мехрангез» посетили соответствующих представителей власти, чтобы убедиться, что те возьмут на себя заботу об этих объектах после завершения строительства. Когда здания были построены, ПЦМП и НПО «Мехрангез» передали их местным властям. Предполагалось, что следующая стадия — оборудование медпунктов и их открытие для жителей — будет осуществлена совместными усилиями общины и властей района, без финансового участия ПЦМП и «Мехрангеза». Однако на практике власти только предоставили штатные единицы для медицинских работников и иногда немного помогали оборудованием. Для того чтобы открытие этих медицинских учреждений состоялось и члены общины

смогли ими пользоваться, больше всего усилий приложили неформальные лидеры деревни [Ciešlewska 2015: 202].

В деревне Ф. живут выходцы из разных районов, большинство — таджики из Файзбада, есть также кулябцы и гармцы (выходцы из Куляба и Гарма). Здесь крепкая, сплоченная *махалля*. *Раиси махалля* раньше был инженером колхоза и членом компартии. Его сыновья — местные предприниматели, один из них владеет зданием, где размещается офис *раиса*. Помощник *раиса* раньше был главой районного *хукумата* и по совместительству учителем. Занимая прочную позицию в местных социальных сетях, он также обладает рядом личных контактов в Душанбе.

Земля для медпункта в деревне Ф. была выделена на территории пятничной мечети, поскольку *джамоат* не дал ничего другого. Средства на строительство частично собрали среди жителей, частично получили в виде микрогрантов ПЦМП и НПО «Мехрангез». Когда медпункт был построен и передан властям, *махалля* Ф. начала подавать заявки на финансовую помощь для покупки медицинского оборудования. Представители комитета ходили в районную службу здравоохранения и *хукумат* с просьбой помочь, но получили отказ. Тогда они обратились к региональным властям, но тоже безуспешно. В конце концов, помощник *раиси махалля* устроил встречу с министром здравоохранения Республики Таджикистан, который когда-то был его учеником (поэтому помощник *раиса* очень хорошо знает семью министра). «Я ему рассказал, что мы делаем людям уколы на *курпачах* (матрасах). Он не мог отказать мне в помощи. Видите ли... еще не так давно он поливал воду на мои руки¹. В конце концов, мы получили около 1300 долларов и смогли купить кое-какое основное оборудование». В деревне Ф. хорошо организованная община, и все же МК не смог убедить местные власти взять на себя заботу о медицинском пункте. Финансовую помощь удалось получить только через неформальные сети помощника *раиси махалля*.

Общине Х. тоже пришлось преодолеть немало сложностей, прежде чем ей удалось открыть свой медицинский пункт. Еще до начала строительства здания махаллинский комитет не смог собрать достаточно денег среди населения. Помог хозяин большой фермы, который живет в этой деревне, и в итоге здание было построено. Несмотря на усилия МК, власти, ответствен-

¹ В Центральной Азии по традиции гостям моют руки перед едой. Обычно воду на руки гостям льют хозяйские дети или люди, занимающие низкое положение в социальной иерархии. Говоря «еще не так давно он поливал воду на мои руки», помощник *раиса* фактически указывал не только на то, что знаком с министром, но и на то, что последний гораздо моложе и помощник *раиса* хорошо знает его отца.

ные за местные медицинские центры, отказались подготовить открытие медпункта и все время откладывали решение этого вопроса, ссылаясь на отсутствие средств, чтобы платить зарплату и купить медицинское оборудование. ПЦМП и НПО «Мехрангез» участвовали в процессе переговоров с властями, постоянно ходили в соответствующие инстанции и помогали представителям *махалли* писать заявления. В конечном итоге медпункт открылся только в 2015 г. в присутствии СМИ и местных властей, которые с удовольствием объявили, что успешно создали новое медицинское учреждение на вверенной им территории.

Оба случая показывают, как неформальные связи могут влиять на локальное развитие и инвестиции. Хотя *махалля* Ф. гораздо лучше организована, чем *махалля* Х., конечный успех стал возможен только благодаря личным контактам помощника *раиси махалля*. Несмотря на все усилия руководства *махалли* Х., открытие медпункта постоянно откладывалось, и только вмешательство других организаций привело к положительному результату.

Заключительные замечания

Без поддержки государства деревни могут осуществлять лишь небольшие инвестиции и работы на своих землях. После распада СССР международные организации отчасти заменили государственное финансирование, заняв нишу третьей стороны в локальных взаимоотношениях. Но найти место и роль в локальных сетях для этого нового актора не всегда просто. В большинстве случаев международные НПО воспринимаются как представители власти, поскольку часто проекты приходят через государственные учреждения, и тогда НПО действуют как посредники между государством и местным населением.

Однако в Таджикистане местные взаимоотношения по большей части основаны на семейных, дружеских и/или политических связях. Функционирование формальных организаций, таких как правительственные структуры, определяется неформальными сетями. Это в свою очередь оказывает влияние на ход осуществления проекта и его результаты. Если международная организация намерена работать напрямую с местными сообществами, то у нее нет выбора, кроме как приспособиться к местным условиям и создавать собственную сеть, необходимую для действий в этом поле. Много сил и времени уходит на выяснение, что действительно важно на локальном уровне и на ком держатся те или иные связи. Роль посредника могут взять на себя местные НПО. При этом следует помнить, что они тоже вовлечены в местные связи. Это значит, что

контакты и опыт той или иной организации могут быть полезны для выполнения проекта, но могут стать и препятствием для справедливого распределения помощи, а иногда и для взаимодействия с другими акторами.

Работа международных организаций, таким образом, связана со множеством противоречий. Как уже упоминалось, многие организации раздавали в Вахшской долине гуманитарную помощь во время гражданской войны и некоторое время после. К сожалению, часть помощи пропала или отправилась прямо в карманы местных чиновников. Поэтому, когда мы начинали свое сотрудничество с *махаллями*, нам было непросто завоевать доверие наших подопечных. Чтобы переломить ситуацию, понадобилось время. Позднее они сказали нам: «Мы сначала отнеслись к вам с подозрением, думали, вы такие же, как другие» и «Несколько организаций злоупотребляли нашим доверием. Они что-то обещали, а потом не выполняли обещания, а то и хуже, обманывали нас. Деньги, отложенные, чтобы что-то сделать или купить, исчезали».

В Таджикистане локальные сообщества сталкиваются с разнообразными препятствиями. С одной стороны, их вынуждают принимать на себя обязанности государственной власти. С другой — они не могут действовать независимо из-за коррупции и иерархических отношений, царящих в государственных органах. Это серьезно ограничивает свободу действий общин и их возможность самоуправления.

Библиография

- Абашин С.Н.* Советская власть и узбекская махалля // Неприкосновенный запас. 2011. № 4 (78). <<http://www.nlobooks.ru/node/1132>>.
- Абашин С.Н.* Советский кишлак: между колониализмом и модернизацией. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 718 с.
- Абдуназаров Х., Сайдуминов А., Сайфуллоев Н., Абдуназаров П.* Кунграты Вахшской долины // Масов П.М. (ред.). Научный вклад Михаила Степановича Андреева в изучение истории и этнографии таджикского народа. Душанбе: АН Республики Таджикистан, 2014. С. 158–166.
- Абрамов М.М.* Гузары Самарканда. Ташкент: Узбекистан, 1989. 56 с.
- Арифханова З.* Ташкентская махалля в начале XX в. // Алимова Д.А. (отв. ред.). Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации. Ташкент: Б.и., 2009. С. 52–55.
- Всемирный Банк: рост экономического развития Таджикистана сократился на 4,2% // Радио Озоди. 2015, 17 нояб. <<http://rus.ozodi.org/content/article/27370274.html>>.
- Кармышева Б.Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М.: Наука, 1976. 323 с.

- Панниер Б., Салимов М., Вальсамаки А. Охота на ведьм в Таджикистане // Радио Озоди. 2015, 11 нояб. <<https://rus.ozodi.org/a/tajikistan-okhota-na-vedm-pivt-oppozitsiya/27357182.html>>.
- Поляков П.С. Историческая этнография Средней Азии: хозяйство, социальная организация, этническая история. М.: Изд-во МГУ, 1980. 168 с.
- Сарсембеков Т.Т., Нурушев А.Н., Кожакоев А.Е., Оспанов М.О. Использование и охрана трансграничных рек в странах Центральной Азии. Алматы: Атамұра, 2004. 272 с.
- Сухарева О.А. О терминологии, связанной с исторической топографией городов Средней Азии (ку, махала, гузар) // Народы Азии и Африки. 1965. № 6. С. 101–104.
- Сухарева О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М.: Наука, 1976. 365 с.
- Шаниязов К.Ш. Соседско-территориальная община // Арифханова З.Х., Абашин С.Н., Алимова Д.А. (ред.). Узбеки. М.: Наука, 2011. С. 416–424.
- Abramson D. From Soviet to Mahalla: Community and Transition in Post-Soviet Uzbekistan: PhD dissertation / The Indiana University. Bloomington, IN, 1998. 252 с.
- Boboyorov H. Collective Identities and Patronage Networks in Southern Tajikistan. Berlin: LIT Verlag, 2013. 304 p. (ZEF Development Studies. Bd. 24).
- Cieślowska A. Community, the State and Development Assistance: Transforming the Mahalla in Tajikistan. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2015. 264 p.
- Dadabaev T. Community Life, Memory and a Changing Nature of Mahalla Identity in Uzbekistan // Journal of Eurasian Studies. 2013. Vol. 4. No. 2. P. 181–196.
- Geiss P.G. Mahallah and Kinship Relations: A Study on Residential Communal Commitment Structures in Central Asia of the 19th Century // Central Asian Survey. 2001. Vol. 20. No. 1. P. 97–106.
- Gomart E. Between Civil War and Land Reform: Among the Poorest of the Poor in Tajikistan // Dudwick N., Gomart E., Kuehnast K., Marc A. (eds.). When Things Fall Apart: Qualitative Studies of Poverty in the Former Soviet Union. Washington: World Bank, 2003. P. 57–93.
- Hauschildt L. S., Lybaek R. The “Tyranny” of Participation: A Discussion of Potentials and Pitfalls in the Application of Participatory and Social Capital Approaches to Development: Exam Paper, Approaches to Development / University of Aarhus, Denmark. 2006. <<http://www.ulandslaere.au.dk>>.
- Haverkort B., van't Hooft K., Hiemstra W. (eds.). Ancient Roots, New Shoots: Endogenous Development in Practice. Leusden: Compas; L.: Zed Books, 2003. 264 p.
- Jasiewicz Z. Rodzina, społeczność lokalna i grupa etniczna w Polsce i Azji Środkowej. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2004. 278 s.
- Roy O. Kolkhoz and Civil Society in the Independent States of Central Asia // Ruffin M.H., Waugh D.C. (eds.). Civil Society in Central

Asia. Seattle, WA: Center for Civil Society International; University of Washington Press, 1999. P. 109–121.

Sievers E.W. Uzbekistan's Mahalla: From Soviet to Absolutist Residential Community Associations // The Journal of International and Comparative Law at Chicago-Kent. 2002. Vol. 2. P. 91–158.

Urinboyev R. Law, Social Norms and Welfare as Means of Public Administration: Case Study of Mahalla Institutions in Uzbekistan // The NISPAcee Journal of Public Administration and Policy. 2011. Vol. 4. No. 1. P. 33–57.

Пер. с англ. Александры Касаткиной

Local Development in Practice: Case Study — Mahalla Committees in Their Interaction with a Foreign NGO in the Vakhsh Valley in Tajikistan

Anna Cieślewska

Institute of Oriental Studies of the Jagiellonian University
3 Adama Mickiewicza Str., 31–120, Krakow, Poland
acieslewska@gmail.com

The paper explains the issue of cooperation between the Mahalla committees and a foreign NGO. It describes the development project entitled “Reinforcing local community development through institutional support for *mahalla* committees in Tajikistan” targeting the development of *mahalla* committees as implemented by the Polish Centre for International Aid in partnership with the Tajik NGO Mehrangez. The project proposal was based on my research and conclusions reached during my work for the NGO sector, as well as on the experience gained by Mehrangez during. The main goal of this paper is to examine how the communities respond to ideas of social development introduced by a foreign NGO. Another issue considered here is the interaction between the local authorities and the communities involved in the project. Lastly, I present mechanisms of functioning informal and formal structures, their various interactions and influences outside and inside of the communities. The paper is based on a field study regarding *mahalla* (2010–2014) as well and information gathered during the three-year-long project implemented between 2013 and 2015 in the Khatlon province of Tajikistan.

Keywords: self-government, local development, traditional and informal institutions, local administration, international organisations.

References

- Abashin S. N., 'Sovetskaya vlast i uzbekskaya makhalla' [Soviet Power and the Uzbek Mahalla], *Neprikosnovennyi zapas*, 2011, no. 4 (78). <<http://www.nlobooks.ru/node/1132>>. (In Russian).
- Abashin S. N., *Sovetskiy kishlak: mezhdru kolonializmom i modernizatsiei* [The Soviet Kishlak: Between Colonialism and Modernization]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, 718 pp. (In Russian).
- Abdunazarov Kh., Saydmuminov A., Sayfulloev N., Abdunazarov P., 'Kungraty Vakhshskoy doliny' [Kungrats of the Vakhsh Valley], Masov P. M. (ed.), *Nauchnyy vklad Mikhaila Stepanovicha Andreeva v izucheniye istorii i etnografii tadzhikskogo naroda* [The Scientific Contribution of Mikhail Stepanovich Andreev to the Study of the History and Ethnography of the Tajik People]. Dushanbe: Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan Press, 2014, pp. 158–166. (In Russian).
- Abramov M. M., *Guzary Samarkanda* [Guzars of Samarkand]. Tashkent: Uzbekistan, 1989, 56 pp. (In Russian).
- Abramson D., From Soviet to Mahalla: Community and Transition in Post-Soviet Uzbekistan: PhD dissertation, The Indiana University. Bloomington, IN, 1998, 252 pp.
- Arifkhanova Z., 'Tashkentskaya makhalla v nachale XX v.' [Tashkent Mahallas in the Early 20th Century], Alimova D. A. (ed.), *Sotsialnaya zhizn narodov Tsentralnoy Azii v pervoy chetverti XX veka: traditsii i innovatsii* [Social Life of Central Asian Peoples in the First Quarter of 20th Century: Traditions and Innovations]. Tashkent: S. n., 2009, pp. 52–55. (In Russian).
- Boboyorov H., *Collective Identities and Patronage Networks in Southern Tajikistan*. Berlin: LIT Verlag, 2013, 304 pp. (ZEF Development Studies, bd. 24).
- Cieřlewska A., *Community, the State and Development Assistance: Transforming the Mahalla in Tajikistan*. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2015, 264 pp.
- Dadabaev T., 'Community Life, Memory and a Changing Nature of Mahalla Identity in Uzbekistan', *Journal of Eurasian Studies*, 2013, vol. 4, no. 2, pp. 181–196.
- Geiss P. G., 'Mahallah and Kinship Relations: A Study on Residential Communal Commitment Structures in Central Asia of the 19th Century', *Central Asian Survey*, 2001, vol. 20, no. 1, pp. 97–106.
- Gomart E., 'Between Civil War and Land Reform: Among the Poorest of the Poor in Tajikistan', Dudwick N., Gomart E., Kuehnast K., Marc A. (eds.), *When Things Fall Apart: Qualitative Studies of Poverty in the Former Soviet Union*. Washington: World Bank, 2003, pp. 57–93.
- Hauschildt L. S., Lybæk R., The "Tyranny" of Participation: A Discussion of Potentials and Pitfalls in the Application of Participatory and Social Capital Approaches to Development: Exam Paper, Approaches to Development, University of Aarhus. Denmark, 2006. <<http://www.ulandslaere.au.dk>>.
- Haverkort B., van't Hooft K., Hiemstra W. (eds.), *Ancient Roots, New Shoots: Endogenous Development in Practice*. Leusden: Compas; London: Zed Books, 2003, 264 pp.

- Jasiewicz Z., *Rodzina, społeczność lokalna i grupa etniczna w Polsce i Azji Środkowej* [Family, Local Community and Ethnic Group in Poland and Central Asia]. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2004, 278 ss.
- Karmysheva B. Kh., *Ocherki etnicheskoy istorii yuzhnykh rayonov Tadzhikistana i Uzbekistana* [Essays on the Ethnic History of the Southern Regions of Tajikistan and Uzbekistan]. Moscow: Nauka, 1976, 323 pp. (In Russian).
- Pannier B., Salimov M., Valsamaki A., Okhota na vedm v Tadjikistane [Witch Hunt in Tajikistan], *Radio Ozodi*, 2015, November 11. <<https://rus.ozodi.org/a/tajikistan-okhota-na-vedm-pivt-oppozitsiya/27357182.html>>. (In Russian).
- Polyakov P. S., *Istoricheskaya etnografiya Sredney Azii: khozyaystvo, sotsialnaya organizatsiya, etnicheskaya istoriya* [Historical Ethnography of Central Asia: Economy, Social Organization, Ethnic History]. Moscow: Moscow State University Press, 1980, 168 pp. (In Russian).
- Roy O., 'Kolkhoz and Civil Society in the Independent States of Central Asia', Ruffin M. H., Waugh D. C. (eds.), *Civil Society in Central Asia*. Seattle, WA: Center for Civil Society International; University of Washington Press, 1999, pp. 109–121.
- Sarsembekov T. T., Nurushev A. N., Kozhakov A. Ye., Ospanov M. O., *Ispolzovanie i okhrana transgranichnykh rek v stranakh Tsentralnoy Azii* [The Use and Protection of Transboundary Rivers in Central Asian Countries]. Almaty: Atamura, 2004, 272 pp. (In Russian).
- Shaniyazov K. Sh., 'Sosedsko-territorialnaya obshchina' [Neighborhood and Territorial Community], Arifkhanova Z. Kh., Abashin S. N., Alimova D. A. (eds.), *Uzbeki* [Uzbeks]. Moscow: Nauka, 2011, pp. 416–424. (In Russian).
- Sievers E. W., 'Uzbekistan's Mahalla: From Soviet to Absolutist Residential Community Associations', *The Journal of International and Comparative Law at Chicago-Kent*, 2002, vol. 2, pp. 91–158.
- Sukhareva O. A., 'O terminologii, svyazannoy s istoricheskoy topografiy gorodov Sredney Azii (ku, makhalla, guzar)' [On the Terminology Associated with the Historical Topography of the Cities of Central Asia (ku, mahalla, guzar)], *Narody Azii i Afriki*, 1965, no. 6, pp. 101–104. (In Russian).
- Sukhareva O. A., *Kvartalnaya obshchina pozdnefeodalnogo goroda Bukhary (v svyazi s istoriey kvartalov)* [Town Ward Community of Late Feudal Bukhara (Towards a History of Wards)]. Moscow: Nauka, 1976, 365 pp. (In Russian).
- Urinboyev R., 'Law, Social Norms and Welfare as Means of Public Administration: Case Study of Mahalla Institutions in Uzbekistan', *The NISPAcee Journal of Public Administration and Policy*, 2011, vol. 4, no. 1, pp. 33–57.
- Vsemirnyy Bank: rost ekonomicheskogo razvitiya Tadjikistana sokratilsya na 4,2 % [World Bank: Tajikistan's Economic Growth Has Decreased by 4.2 %], *Radio Ozodi*, 2015, November 17. <<http://rus.ozodi.org/content/article/27370274.html>>. (In Russian).